

ИСТОРИЯ

УДК 94 (47).04

Э.Л. Дубман*

ВОЕНИЗИРОВАННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮЖНОГО СРЕДНЕВОЖЬЯ В СЕРЕДИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII В.: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ

В статье подведены итоги изучения складывания военизированного населения Южного Средневожья в середине XVII – начале XVIII в. Выявлена его ведущая роль в обеспечении безопасности и колонизации новых территорий. Особую значимость для исследования имело привлечение новых источников из фондов РГАДА. Показаны особенности формирования и деятельности разных категорий служилых людей. Предложена целостная концепция развития региона как фронтального, интенсивно осваиваемого пространства Юго-Востока Европейской России. Доказано, что для разных в этническом, конфессиональном и социальном отношении групп военного населения его заселение стало процессом «обретения» общей родины.

Ключевые слова: военные люди, дворяне, дети боярские, стрельцы, казаки, служилые татары, мордва и чуваша, военная служба, колонизация, наделение землей, расселение.

В статье подводятся итоги исследовательской работы над проектом «Служилые люди Южного Средневожья в XVII – начале XVIII в.» (Грант РГНФ № 15-11-63001 а(р)). Решающую роль представителей служилого сословия в колонизации новых лесостепных территорий и особое место в этом процессе государства отмечали многие исследователи. Например, еще в начале XX в. известный российский историк П.П. Смирнов писал, что «...со второй четверти XVII столетия на восточной границе Московского государства, равно как и на южной, были созданы громадные резервуары, которые необходимо было быстро заполнить ратными людьми...» [22, с. 164–165].

Возникновение таких «резервуаров» являлось не чем иным, как проявлением уникального по своей интенсивности и массовости колонизационного процесса, охватившего все лесостепное пограничье европейской части России во второй половине XVI – XVII вв. В нем, по образному выражению В.О. Ключевского, являвшемся «основным фактом русской истории», важнейшую системообразующую роль играли само государство и его вооруженные силы. Продолжим слова знаменитого историка:

«Набор столь многочисленного военно-служилого класса сопровождался глубокими переменами в общественном строе Московского государства. Этот набор со всеми своими последствиями был тесно связан с... территориальным расширением Московского государства. Новые границы государства поставили его в непосредственное соседство с внешними иноплеменными врагами Руси – шведами, литовцами, поляками, татарами. Это соседство ставило государство в положение, которое делало его похожим на вооруженный лагерь, с трех сторон окруженный врагами... На северо-западе борьба изредка прерывалась кратковременными перемириями; на юго-востоке в те века она не прерывалась ни на минуту. Такое состояние непрерывной борьбы стало уже нормальным для государства в XVI в. Герберштейн, наблюдавший Московию при отце Грозного, вынес такое впечатление, что для нее мир – случайность, а не война» [9, с. 195–196]. Эти слова можно полностью соотнести и с ситуацией, сложившейся на границах страны при первых Романовых в следующем, XVII столетии.

В этом постоянном амбивалентном состоянии «мира – войны» на южном и юго-восточном лесостепном

* © Дубман Э.Л., 2017

степном фронтире Европейской России служилые люди выполняли не только военную функцию защитников пограничья страны, но и выступали как основное колонизирующее население. Опираясь на них, государство создало в пространстве нового региона сеть городов, пригородов и островов, которые скреплялись в единое целое совокупностью сельских поселений – слобод, населенных стрельцами, казаками и т. д. С этими военнизированными анклавами диффузировали, становились их тылом многочисленные селения с русским и автохтонным (для Казанского края) тяглым населением. Роль служилого сословия как актора экономического освоения новых территорий, создателя их социальной и хозяйственной инфраструктуры оказалась крайне важной для российского пограничья. Именно его социокультурное наследие и структуры повседневности, особенности расселения и использования природных ресурсов восприняли позднее пришедшие хозяйствовать на эти земли крупные светские и церковные землевладельцы, беглые и переведенные тяглые крестьяне.

Избранный для изучения регион под условным названием «Южное Средневожье» (методика его выделения рассмотрена в одной из наших статей) [4, с. 45–62] представляет особый интерес в силу ряда причин. Он был включен в состав Московского государства в середине XVI в. и располагался к югу от давно освоенных постоянным населением территорий бывшего Казанского ханства. Южное Средневожье представляло собой пространство южной лесостепи, зону пограничья между северными кочевьями степняков и оседлым расселением Казанского края. Это были «порозжие земли», не имевшие постоянного населения и эксплуатируемые, как правило, «наездом». Четкие границы, отделяющие Южное Средневожье от ранее освоенных территорий, окончательно сложились к концу XVI в., когда была создана система локальных укреплений и засечных черт, протянувшихся от Волги (Тетюши) к Алатырю и далее на запад к Темникову. Именно по этой линии, почти на столетие, до середины XVII в., остановилась первая волна российской колонизации вновь приобретенной «подрайской земли». К югу от нее располагались только сравнительно небольшие районы постоянного расселения, как, например, Самарский уезд и Надеинское Усолье на Самарской Луке, русские города-крепости по Волге и т. д.

Решительный шаг в массовом освоении новых территорий был сделан только в начале правления Алексея Михайловича, когда в конце 1640-х – середине 1650-х гг. было завершено создание юго-восточного фланга гигантской засечной линии, протянувшейся от границ с Польшей до Волги и далее в Заволжье до Камы. Середина – вторая половина XVII столетия стала для этого поэтапно

включаемого в состав Московского государства региона временем, с одной стороны, эволюции пограничного фронта, с другой – интенсивного заселения и хозяйственного освоения. Это пространство области понизовых городов (только значительно позднее, во второй половине XIX в., оно получило свое обозначение как южные территории Среднего Поволжья) в рассматриваемый период можно называть зоной военизированного расселения со своим особым законодательством «заказных городов». В ходе его интенсивной колонизации происходило превращение ранее пустынных земель в общее «жизненное» пространство для самых разных в этноконфессиональном отношении групп населения – русских, татар, мордвы, чуваш и т. д. Для всех этих интенсивно осваивающих его народов шел единый процесс «обретения родины». На ранее пустынных землях начиная с середины XVII в. складывалась уникальная общность, постепенно обретавшая свою единую социокультурную и историческую идентичность. Особый интерес для нас представляло изучение восточной (прилегающей к Волге до Суры на западе) территории этого обширного региона – той, которая в период начального освоения вошла в состав Симбирского, Самарского и примыкающих к ним окраин соседних уездов. Соседство с волжским транзитным путем, уникальными рыбными ресурсами великой реки и ее притоков создавало определенные благоприятные условия для его хозяйственного развития. Значимость избранного региона волжского Правобережья на начальном этапе его массового освоения для изучения всего Юго-Востока Европейской России очевидна. Симбирский край стал эпицентром противостояния правительственных сил и повстанцев в период Разинщины. Его территория привлекла особое внимание царя Алексея Михайловича и администрации приказа Тайных Дел при развертывании системы хозяйственных предприятий в Среднем Поволжье. Укажем также на проект И.И. Дашкова, в котором местный воевода оценивает «большой» Симбирский уезд (с прилегающими территориями) как один из самых значимых и перспективных в социально-экономическом отношении регионов области понизовых городов [2, с. 353–356]. Именно в окрестностях Симбирска планировалось разместить крупные контингенты формирований нового строя. Судя по данным проекта проведения разрядной реформы начала 1680-х гг., они должны были составить одну из наиболее значительных по численности армий на Юго-Востоке Европейской России [12, с. 81–82].

Период военизированного заселения рассматриваемого региона в основном завершился к рубежу XVII–XVIII вв., когда уходит в прошлое необходимость в его постоянной защите и присутствии крупных контингентов военизированного на-

селения. Исследователи заявляют о наступившем в начале XVIII в. новом этапе в истории Южного Средневолжья, изменении специфики его последующего развития и в целом геополитического положения [10, с. 152]. Можно в определенной степени воспользоваться выводом А. Каппелера: «Военный фронт на юге (и европейском юго-востоке. – Э.Д.) России постепенно эволюционирует в поселенческий (settlement frontier), имперская «варварская граница» – в освоенную границу (Erschließungs Grenze), и начинается заселение восточнославянскими крестьянами (и автохтонным населением Казанского края. – Э.Д.) плодородного степного черноземья» [8, с. 228].

Именно указанными выше обстоятельствами были обусловлены задачи проведенного исследования, заключавшиеся в том, чтобы рассмотреть особенности складывания военизированного населения Южного Средневолжья в середине XVII – начале XVIII в. (а на Самарской Луке или в городах на Волге и в более ранний период); определить роль различных категорий служилых людей в защите и колонизации новых территорий, включении их в политическое, экономическое и социокультурное пространство Московского государства.

При изучении этих процессов мы использовали двойную систему территориальных координат. С одной стороны, анализ общей ситуации с военизированным населением проводился в пространстве всей области понизовых городов. В этом случае в качестве базовых для исследования использовались сводные материалы смет ратных людей Разрядного приказа (и приказа Казанского Дворца – смета 1704 г.) [5, с. 179–186], окладной расходной росписи денежного и хлебного жалования за 1681 г. и других источников. При всей приблизительности и вариативности обозначенных в них данных по городам и уездам области понизовых городов они позволили по ряду реперных дат выявить основные тенденции в развитии военных сил региона, изменения в их численности и составе, а также их мобильность как в пространстве рассматриваемого региона, так и за его пределами.

Изучение в рамках Симбирского уезда и прилегающих к нему территорий (Южного Средневолжья), то есть более компактного региона, позволило рассмотреть конкретную картину, если можно так выразиться, «колониционной повседневности»: расселения и состава, испомещения, конкуренции за крепостное население и землю, хозяйственных занятий и служебных обязанностей различных категорий служилых людей.

На наш взгляд, такой подход позволил более четко определить особенности процессов, происходивших в локальном, обладающем своими специфическими особенностями районе в рамках одного из крупнейших исторически сложившихся

регионов Юго-Востока Европейской России. При изучении темы практиковалось постоянное обращение к методам компаративистики; сопоставление процессов, происходивших в Южном Средневолжье, с соседними с ним пограничными территориями области понизовых городов, а также тамбовско-козловской и южной, «крымской» лесостепных окраин Московского государства.

Задачи, поставленные для анализа предлагаемого региона, решались на основе степени его современной исследованности и с привлечением совокупности как традиционно используемых, так и впервые вводимых в научный оборот источников. Если история начального освоения южного пограничья страны на сегодняшний день изучена достаточно полно, то намного проблематичнее обстоит дело с соседним юго-восточным регионом. Его территория в конце XVI – начале XVIII в. находилась под управлением практически автономного в своей деятельности приказа Казанского Дворца [7]. Делопроизводство этого приказа, полностью выгоревшего в начале XVIII в., как и большинства подчиненных ему съезжих и приказных изб, сохранилось лишь фрагментарно. Именно данным обстоятельством обусловлена крайне скудная историография начальной истории Южного Средневолжья. Так, вплоть до недавнего времени базовыми для изучения региона являлись труды работавших еще в последней трети XIX – начале XX в. Г.И. Перетятковича [19], ряда других исследователей и членов Симбирской ученой архивной комиссии. Характерно, что когда в 1920-х гг. М.К. Любавский писал обобщающее исследование по истории колониционных процессов в России для их характеристики на европейском Юго-Востоке ему пришлось опираться исключительно на труды Перетятковича [11]. Практически не оказало влияния на отечественную историографию глубокое, долгое время не переводившееся на русский язык, исследование формирования многонациональной российской империи Б.Э. Нольде. К сожалению, автор, работавший за границей, не успел завершить свой труд. Для изучаемого региона особое значение имеет обширный, основанный на значительной совокупности источников раздел, посвященный вхождению народов Среднего Поволжья в имперское пространство и особенностям государственного «обустройства завоеванных территорий» [14, с. 180–249]. Длительное время попытки продолжить подобную кропотливую работу в отношении нашего региона практически не предпринимались. Следует упомянуть только работы Е.Н. Ошаниной, в рамках обзора начального освоения всего Среднего Поволжья кратко рассмотревшей историю Симбирского края [18]. Для 1960-х гг. и последующих десятилетий особо отметим исследования И.П. Ермолаева, в монографии и ряде статей которого были рекон-

струированы структура и основные направления деятельности приказа Казанского Дворца, в том числе и в сфере управления местными ратными людьми [7].

Конкретным же процессом оседлого освоения Симбирского края исследователи вновь начинают заниматься только в конце XX в. В трудах Э.Л. Дубмана, А.Н. Зорина, В.А. Гуркина, Ю.Н. Мельникова и других историков рассматриваются отдельные стороны и сюжеты начального русского освоения Южного Средневожья, роль военизированного населения в этом процессе [15; 16; 20]. И все же вплоть до настоящего времени обобщающих работ по истории региона практически не было создано.

Особую значимость для современных исследователей ранней истории региона приобрел поиск новых источников. В центральных и местных архивохранилищах удалось выявить совокупность подлинников и копий отписок, судебных дел, памятей, наказов из вышестоящих учреждений, фрагментов писцовых, переписных книг и т. п. делопроизводства Казанского Дворца, приказных и съезжих изб, сохранившихся в коллекциях других учреждений. Результативным оказалось изучение материалов из фондов ряда приказов; светских и церковных владельцев, действовавших в Южном Средневожье и ведших свое, независимое от властей Казанского Дворца, делопроизводство.

Особое внимание было уделено работе с фондами РГАДА, прежде всего Поместного и Разрядного приказов. Именно среди дел Поместного приказа удалось обнаружить объемную роспись дел Симбирской приказной избы за 1662–1700 гг. [21. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 6473]. В этом же фонде отложились переписные, делопроизводственные и другие книги комиссии сбора даточных людей Генерального Двора в с. Преображенском рубежа XVII–XVIII вв. В фонде Разрядного приказа сохранились документы, раскрывающие комплекс подготовительных мероприятий к возведению Сызранской линии, отдельные акты по Симбирскому уезду [21. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674]. Эти и другие материалы из фондов XXVI Разряда Кабинета Петра, Печатного приказа, Оружейной палаты и прочих коллекций позволили отчасти заполнить имеющиеся лакуны в исследовании данной темы. Так, например, среди документов фонда Кабинета Петра I была выявлена «Смета ратных сил понизовых городов 1704 года» (далее – Смета 1704 г.), позволившая определить состав и численность служилых людей области понизовых городов в начале XVIII в. [21. Ф. 9. Отд. 2. Д. 3. Л. 431–437]. Значимыми для изучения региона в конце XVII в. являются материалы крупномасштабного перевода казаков и прочих категорий ратных людей в Азов и другие города Юга, отложившиеся в книгах Поместного приказа РГАДА [21. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5128, 5186]. Они позволили определить численность и

категории переведенцев, их расселение в уездах выхода; а также количество освободившихся после переселения дворов, пахотных земель, сенокосов и других угодий; распределение и заселение свободных земель между новыми владельцами, в основном привилегированными московскими феодалами [21. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5186].

Отметим также важность более глубокого изучения совокупности изданий и рукописей, подготовленных членами Симбирской ученой архивной комиссии и прежде всего отдельных томов «Материалов исторических и юридических бывшего Приказа Казанского Дворца». Так, например, анализ традиционно считавшейся единой строельной книги Симбирска и его уезда, изданной П.Л. Мартыновым в 1897 г., позволил выделить в ее составе две строельные книги, составленные при разных воеводах в конце 1640-х и начале 1650-х гг. [13, с. 21–24].

Разумеется, недостаточность источниковой базы не позволила в равной степени полно исследовать положение и деятельность различных категорий служилых людей Южного Средневожья. И все же благодаря уже давно используемым и вновь выявленным материалам выделение и исследование крупного контингента служилых людей, ставших основным населением рассматриваемого региона, позволило получить результаты, имеющие важное значение для историков. Южное Средневожье в середине XVII – начале XVIII в. обладало определенной целостностью и особенностями, выделяющими его из всего пространства области понизовых городов. К середине 1660-х гг. регион не только приобрел стратегическое значение для обеспечения всей системы безопасности Юго-Востока Европейской России (достаточно сказать, что, наряду с Казанским и Саранским, Симбирский уезд входил в группу уездов, имевших крупнейший контингент служилых людей по всему южному и юго-восточному пограничью Европейской России) [1, с. 106–108], но и укрепил свои позиции как пространство, обладающее уникальным экономическим потенциалом, выходом к Волжскому транзитному пути, его гигантским по тем временам рыбным промыслам.

Несомненно, что все это отразилось и на различных категориях служилых людей, размещенных на его территории, их военных и административных обязанностях, экономическом благосостоянии и хозяйственной деятельности. Военизированное население сыграло решающую роль в его колонизации, став базовым для формирования сети городских и сельских поселений, главным участником начального распределения пахотных земель и угодий. Оно при преобладании в этническом отношении русской составляющей имело многонациональный и полиэтничный характер. Отряды татар, чувашей и мордвы не только несли службу как отдельные особые воинские подразде-

ления, но и входили в состав казаков, стрельцов и т. д. По статусу, особенностям службы, размерам наделов и жалования их можно было относить как к служилым людям по прибору, так и по отечеству. Характерно, что доля служилых людей из автохтонного средневолжского населения увеличивалась в составе гарнизонов по мере удаленности районов расселения далее к западу от Волги, в барышско-сурское междуречье, к границам с Саранским и Пензенским уездами [20]. При этом для всего военизированного населения региона, как, впрочем, и для тяглового, практически не обнаруживается проблема противостояния коренного и пришлого населения. Такая ситуация была обусловлена специфической особенностью Южного Средневолжья как района восточной «украины», «порозжей земли», практически до начала массовой колонизации не заселенного постоянным населением. Для всех групп переселенцев это был процесс «обретения родины». В отличие от гарнизонов городов-крепостей, располагавшихся вдоль побережья Волги (Самары, Саратова и других), большинство слобод и других поселений приборных людей в Симбирском уезде, несомненно, относилось к сельскому типу расселения. Таким образом, лишь сравнительно небольшую часть военизированного населения рассматриваемого региона можно назвать городским.

Для подавляющего большинства служилых людей по отечеству и прибору именно земельные владения являлись основой для обеспечения своих экономических потребностей. Ратные люди по размерам своих земельных наделов, денежного и хлебного жалованиям существенно не отличались от аналогичного военизированного населения других территорий южного и юго-восточного фронта страны. Местное дворянство являлось в основном мелкопоместным. Но очевидно, что в среднем на поместье симбирские дворяне и дети боярские были значительно лучше обеспечены крепостным людом, чем аналогичные группы служилых людей на юге [17, с. 5, 115].

Если в комплектовании русских стрельцов, казаков и пушкарей по прибору каких-либо отличий не наблюдалось, то сведений о наборе детей боярских из других, более низких по статусу категорий населения (тяглых или беглых) практически не выявлено.

К сожалению, почти не сохранилось данных о служебных обязанностях местных ратных людей. Создается впечатление, что, в отличие от южных границ, на юго-востоке военные столкновения происходили значительно реже. Хотя очевидно, что все свои обязанности по службе они должны были исполнять полностью. Также достаточно сложно говорить о мобильности местных гарнизонов, их участии в дальних походах в середине – второй половине XVII в. Практически мы не име-

ем сведений о подготовке к военной службе, смотрах, составлении десятен, о каких-либо проявлениях функционирования «служилого города» и т. д. Редчайшими для изучения ратных людей указанного региона являются сохранившиеся наказы местным воеводам, головам и т. д.

Удаленность от основного театра военных столкновений предопределила устоявшийся, традиционный состав военных гарнизонов. В Южном Средневолжье преобладали типовые для конца XVI – первой половины XVII в. категории служилых людей по прибору и отечеству. Попытка проведения на территории области понизовых городов (в том числе и Южного Средневолжья) рядной реформы начала 1680-х гг., очевидно, не привела к сколько-нибудь заметным результатам [12, с. 76–91]. Вместе с тем в последние десятилетия XVII в. резко увеличилось количество поселений солдат и рейтар. Это было связано с подавлением Разинщины, где активную роль сыграли выборные полки, а также с резким расширением территории Симбирского уезда на юг и с заселением новых территорий значительным количеством набранных солдат и рейтар. Достаточно отметить, что население таких крупных пригородов Симбирска, как Сызрань и Кашпир, было почти исключительно солдатским [6, с. 152–163].

В формировании территории региона и размещении в его пространстве служилого населения можно выделить 2 основных этапа. Первый связан со строительством Симбирской и Карсунской черт в середине XVII в. В отличие от местности, оказавшейся под защитой Симбирской черты и ее гарнизонов (между Волгой и Барышом) и ставшей основой для расселения местных служилых людей по отечеству (дворянского землевладения) и отчасти приборных людей, залесенные массивы между р. Барышем и Сурой по Карсунской черте были слабо заселены и практически не имели поместного землевладения. Именно здесь в составе гарнизонов наблюдается сравнительно большое количество служилых мурз, татар, чувашей и мордвы. На их положение и статус указывают размеры и особенности землевладения. Они колебались в широких пределах – от уровня дворянских поместий до общинного пользования наделами, как у приборных людей.

На втором этапе, после строительства Сызрани, в 1683 г. началось стремительное освоение земель к югу от Симбирской и Карсунской черт. Именно здесь наблюдалось расселение самых различных групп служилых людей, в том числе солдат и рейтар [3, с. 216–224]. Судя по размерам и статусу испомещения, значительная часть из них становится служилыми людьми по отечеству. Как раз в это время правительство начинает отказываться от применения норм законодательства о «заказных городах». Широкое развитие получает

распространение прежде всего крупного церковно-монастырского землевладения. Новые привилегированные собственники пытались существенно расширить свои новые владения за счет неравноценных обменов с представителями местного военизированного населения. Важнейшей акцией в этом процессе явился перевод в конце XVII в. многотысячной группы казаков и других категорий служилых людей (вместе с семьями) в Азов и другие города юга и раздача освободившихся земель представителям, в первую очередь столичной знати. Характерно, что именно в пределах основного уезда Южного Средневожья – Симбирского – этот процесс, в отличие от других, лежащих западнее уездов, приобрел наиболее широкий размах. Результаты работы позволяют сделать вывод, что в конце XVII – начале XVIII в. характер развития Южного Средневожья начал меняться. Из района фронта – пограничья, насыщенного военизированным населением, – он постепенно превращается в пространство «внутренней окраины». Однако, что удивительно, численность служилого населения к этому времени остается весьма значительной, важное место в нем продолжали занимать представители старых традиционных категорий служилого населения. Так, например, в левобережной Самаре около 85 % всех жителей составляли служилые люди и члены их семей.

Библиографический список

1. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.
2. Гурлянд И.Я. Приказ великаго государя тайных дел. Ярославль, 1902.
3. Дубман Э.Л. Поволжский фронт в середине XVI – XVII вв. Очерки истории // Юго-Восток Европейской России. Ч. 1. Самара, 2012.
4. Дубман Э.Л. Районирование и особенности освоения Юго-Востока Европейской России в конце XVI – начале XVIII века // Северо-Запад в аграрной истории России / под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2016.
5. Дубман Э.Л., Малинкин Е.М. «...В вышеписанных низовых городах конных и пеших ратных людей по списком...». Смета ратных сил понизовых городов 1704 г. // Исторический архив. 2012. № 5.
6. Дубман Э.Л., Малинкин Е.М. Гарнизоны городов Южного Средневожья на рубеже XVII–XVIII веков (на примере Самары, Сызрани и Кашпира) // Вестник архивиста. 2012. № 2.
7. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (управление Казанским краем). Казань, 1982.
8. Каппелер А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // Мусульмане в новой имперской истории: сб. ст. / отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, И. Герасимов, С. Глебов [и др.]. М., 2017.
9. Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения: в 9 т. М., 1987. Т. 2.

10. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.

11. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XVII века. М., 1996.

12. Малинкин Е.М. Формирования нового строя на территории понизового Поволжья во второй половине XVII – начале XVIII в. // Краеведческие записки. Вып. XVIII. Самара, 2016.

13. Натаров А.И. «Строельная книга Синбирска 157–158 (1649–1650) гг.». Некоторые замечания // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2015. № 1/2 (78/79).

14. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб., 2013.

15. «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX вв.). Ч. 1. Очерки истории: монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013.

16. «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация / П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева. Самара, 2014.

17. Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 году (Переписные книги Приказа Казанского Дворца). Симбирск, 1902.

18. Ошанина Е.Н. К истории заселения Среднего Поволжья в XVII веке // Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961.

19. Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.

20. Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685–1686 гг. / Науч.-исслед. ин-т истории и культуры Ульянов. обл.; сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ю.Н. Мельников. Ульяновск, 2014.

21. Российский государственный архив древних актов.

22. Смирнов П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Количество и движение населения. Киев, 1919.

References

1. Vodarsky Ya.E. Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII veka (Chislennost', soslovno-klassovyi sostav, razmeshchenie) [The population of Russia in the late XVII – early XVIII century (Number, estate-class composition, location)]. M., 1977 [in Russian].
2. Gurljand I.Ya. Prikaz velikago gosudaria tainykh del [The order of the great sovereign of secret affairs]. Yaroslavl, 1902 [in Russian].
3. Dubman E.L. Povolzhskii frontir v seredine XVI – XVII v. Oчерki istorii [Volga Region frontier in the middle of the XVI–XVII century. Essays of history]. In: Iugo-Vostok Evropeiskoi Rossii. Chast' 1 [South-East of European Russia. Part 1]. Samara, 2012 [in Russian].
4. Dubman E.L. Raionirovanie i osobennosti osvoeniia jugo-vostoka evropeiskoi Rossii v kontse XVI – nachale XVIII veka [Zoning and the features of development of the southeast of European Russia in the late XVI – early XVIII century]. In: Severo-Zapad v agrarnoi istorii Rossii. Pod red. V.N. Nikulina [North-West in the agrarian history of Russia. V.N. Nikulin (Ed.)]. Kaliningrad, 2016 [in Russian].

5. Dubman E.L., Malinkin E.M. «...V vyshepisannykh nizovykh gorodekh konnykh i peshikh ratnykh liudei po spiskom...». Smeta ratnykh sil ponizovykh gorodov 1704 g. [«... In the above-mentioned lower reaches cities mounted and foot soldiers on the list...». Estimates of military forces in the lower reaches cities of 1704]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical archive], 2012, no. 5 [in Russian].
6. Dubman E.L., Malinkin E.M. Garnizony gorodov Iuzhnogo Srednevolzh'ia na rubezhe XVII–XVIII vekov (na primere Samary, Syzrani i Kashpira) [Garrisons of towns of the Southern Middle Volga Region at the turn of the XVII – XVIII centuries (on the example of Samara, Syzran and Kashpir)]. *Vestnik arkhivista* [Herald of an archivist], 2012, no. 2 [in Russian].
7. Ermolaev I.P. Srednee Povolzh'e vo vtoroi polovine XVI – XVII vv. (upravlenie Kazanskim kraem) [Middle Volga Region in the second half of the XVI – XVII centuries (management of the Kazan region)]. Kazan, 1982 [in Russian].
8. Kappeler A. Iuzhnyi i vostochnyi frontir Rossii v XVI–XVIII vekakh [South and East frontiers of Russia in the XVI–XVIII centuries]. In: *Musul'mane v novoi imperskoi istorii: Sb. statei / otv. red. i sost. V.O. Bobrovnikov, I. Gerasimov, S. Glebov, A. Kaplunovskii, M. Mogil'ner, A. Semenov* [Muslims in the new imperial history: collection of articles. Editor and compiler V.O. Bobrovnikov, I. Gerasimov, S. Glebov, A. Kaplunovsky, M. Mogilner, A. Semenov]. M., 2017 [in Russian].
9. Klyuchevskiy V.O. Kurs russkoi istorii [Course of Russian history]. In: *Sochineniia v deviati tomakh* [Works in 9 Vols]. M., 1987. Vol. 2 [in Russian].
10. Kuzeev R.G. Narody Srednego Povolzh'ia i Iuzhnogo Urala. Etnogeneticheskii vzgliad na istoriiu. [Peoples of the Middle Volga Region and the Southern Urals. Ethnogenetic view on history]. M., 1992 [in Russian].
11. Lubavskiy M.K. Obzor istorii russkoi kolonizatsii s drevneishikh vremen i do XVII veka [Review of history of Russian colonization from ancient times up to the XVII century]. M., 1996 [in Russian].
12. Malinkin E.M. Formirovaniia novogo stroia na territorii ponizovogo Povolzh'ia vo vtoroi polovine XVII – nachale XVIII vv. [Formation of a new system on the territory of the lower Volga Region in the second half of the XVII–beginning of the XVIII century]. In: *Kraevedcheskie zapiski. Vyp. XVIII* [Local history notes. Issue XVIII]. Samara, 2016 [in Russian].
13. Natarov A.I. «Stroel'naia kniga Sinbirsk 157–158 (1649–1650) gg.». Nekotorye zamechaniia [«The building book of Sinbirsk 157–158 (1649–1650)». Some remarks]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Echo of Centuries], 2015. № 1/2 (78/79) [in Russian].
14. Nol'de B.E. *Istoriia formirovaniia Rossiiskoi imperii* [The history of formation of Russian empire]. SPb., 2013 [in Russian].
15. «Obretenie rodiny»: obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraia polovina XVI – nachalo XX vv.). Chast' 1. Ocherki istorii: monografiia. Pod. red. P.S. Kabytova, E.L. Dubmana, O.B. Leont'evoi [«Acquisition of the homeland»: society and power in the Middle Volga Region (second half of the XVI–beginning of the XX century). Part 1. Essays of history: monograph. P.S. Kabytov, E.L. Dubman, O.B. Leontieva (Eds.)]. Samara, 2013 [in Russian].
16. Kabytov P.S., Dubman E.L., Leontieva O.B. «Obretenie rodiny»: obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraia polovina XVI – nachalo XX v.). Chast' 2. Zaselenie regiona i etnodemograficheskaia situatsiia. P.S. Kabytov, E.L. Dubman, O.B. Leont'eva [«Acquisition of the homeland»: society and power in the Middle Volga Region (second half of the XVI–beginning of the XX century). Part 2. Population of the region and ethnodemographic situation]. Samara, 2014 [in Russian].
17. Opis' gorodu Sinbirsku i ego uezdu v 1678 godu (Perepisnye knigi Prikaza Kazanskogo Dvortsa) [Inventory of the city of Sinbirsk and its district in 1678 (Census books of the Order of Kazan Palace)]. Simbirsk, 1902 [in Russian].
18. Oshanina E.N. K istorii zaseleniia Srednego Povolzh'ia v XVII veke [On the history of settlement of the Middle Volga Region in the XVII century]. In: *Russkoe gosudarstvo v XVII veke. Novye iavleniia v sotsial'no-ekonomicheskoi, politicheskoi i kul'turnoi zhizni* [Russian state in the XVII century. New phenomena in socio-economic, political and cultural life]. M., 1961 [in Russian].
19. Peretyatkovich G. Povolzh'e v XVII i nachale XVIII veka (ocherki iz istorii kolonizatsii kraia) [Volga Region in the XVII and beginning of the XVIII century (essays from the history of colonization of the region)]. Odessa, 1882 [in Russian].
20. Pistsovaia kniga Karsunskogo i Simbirskogo uezdov 1685–1686 gg. Nauch.-issled. in-t istorii i kul'tury Ul'ian. obl.; [sost., avt. vstup. st. i komment. Iu.N. Mel'nikov]. [Cadastrs of the Karsun and Simbirsk districts of 1685–1686]. Research institute of history and culture of the Ulyanovsk Region; [compiler, author of introductory article and commentaries by Yu.N. Melnikov]. Ulyanovsk, 2014 [in Russian].
21. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
22. Smirnov P. Goroda Moskovskogo gosudarstva v pervoi polovine XVII veka. T. 1. Kolichestvo i dvizhenie naseleniia [Cities of the Moscow state in the first half of the XVII century. Vol. 1. Amount and population movement]. Kiev, 1919 [in Russian].

*E.L. Dubman****MILITARY MEN OF THE SOUTHERN MIDDLE VOLGA REGION IN THE MIDDLE OF THE XVII – BEGINNING OF THE XVIII CENTURIES: SOME RESULTS OF INVESTIGATIONS**

The article summed up the study of formation militarized population of the Southern Middle Volga Region in the middle of the XVII – beginning of the XVIII century. Its leading role in ensuring the safety and colonization of new territories was revealed. The attraction of new sources of RGADA funds had a particular significance for the study. The features of formation and activities of different categories of service class people were shown. A holistic concept of development of the region as an intensively mined frontier area of the Southeast European part of Russia was offered. It is proved that for various in ethno-confessional and social plan paramilitary groups of population it was the process of «acquisition» of common homeland.

Key words: military men, nobles, boyar children, Streltsy, cossacks, military tatars, the Mordovians and the Chuvashes, military service, colonization, assignment of land, resettlement.

Статья поступила в редакцию 15/1/2017.

The article received 15/1/2017.

* *Dubman Eduard Leibovich* (dubmane@mail.ru), Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.